

ФИЛОСОФСКАЯ ИННОВАТИКА PHILOSOPHICAL INNOVATION

Научная статья

УДК 316.422

DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-110-122

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Олег Юрьевич Керимов

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

ug-igrushka@mail.ru, AuthorID РИНЦ: 1028596

Аннотация. Цель исследования заключается в изучении влияния социокультурных факторов на процесс российской модернизации, выявлении препятствий и возможностей для успешной модернизации, а также разработке положений для эффективного совмещения традиционных ценностей и социальных инноваций.

Методологическую базу исследования составляют положения теории социального и политического конструктивизма, а также методы сравнительного анализа.

Результаты исследования. Процесс модернизационного развития России не завершен. Экономическая и политическая сферы претерпели изменения, однако они не оказались достаточными для обеспечения устойчивого прогресса. Причина этой ситуации заключается в неполной целостности процесса изменений: несмотря на то, что социальные институты соответствуют современным требованиям, в социокультурной сфере все еще присутствуют элементы традиционного (и даже архаичного) ценностного комплекса и стереотипов поведения. Неравенство социокультурного развития российских регионов требует уравнивающих мер. Различные подходы в социокультурном дискурсе отличаются противоречивостью. Согласно одним, модернизация должна идти по единому шаблону, приводящему к западной вестернизации. Другие настаивают на том, что культурные и цивилизационные различия не могут быть преодолены и препятствуют модернизации по западному типу. Российская модернизация, испытывая сильнейшее влияние социокультурных особенностей, отличается от западной; теоретическое объяснение этому феномену дает концепция *Path dependence*. Теория множественных модернов Ш. Эйзенштадта важна для понимания современного социокультурного дискурса о модернизации незападных обществ. Модернизационные процессы в России должны интерпретироваться с учетом ее социокультурных и цивилизационных особенностей.

Перспективы исследования связаны с пониманием влияния социокультурных ценностей, традиций, архетипической символики и смыслов на модернизацию российского общества.

Ключевые слова: социокультурные факторы, модернизационные процессы, модернизация, теория *Path dependence*, теория множественных модернов, цивилизационные особенности

Для цитирования: Керимов О. Ю. Социокультурные аспекты проблемы модернизации России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета.

Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 110–122. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-110-122>.

Original article

SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF THE PROBLEM OF MODERNIZATION OF RUSSIA

Oleg Yu. Kerimov

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
ug-igrushka@mail.ru, AuthorID RSCI: 1028596*

Abstract. *The purpose of the study is to study the influence of socio-cultural factors on the process of Russian modernization, identify obstacles and opportunities for successful modernization, as well as develop provisions for the effective combination of traditional values and social innovations.*

The methodological basis of the study consists of the provisions of the theory of social and political constructivism, as well as methods of comparative analysis.

Research results. *The process of Russia's modernization development has not been completed. The economic and political spheres have undergone changes, but they have not proved sufficient to ensure sustainable progress. The reason for this situation lies in the insufficient integrity of the process of change: despite the fact that social institutions meet modern requirements, elements of a traditional (and even archaic) value complex and behavioral stereotypes are still present in the socio-cultural sphere. The inequality of the socio-cultural development of Russian regions requires balancing measures. Different approaches in sociocultural discourse are contradictory. According to some, modernization should follow a single pattern, leading to Western Westernization. Others insist that cultural and civilizational differences cannot be overcome and hinder Western-style modernization. Russian modernization, being strongly influenced by socio-cultural characteristics, differs from the Western one; the theoretical explanation of this phenomenon is given by the concept of Path dependence. The theory of multiple moderns Sh. Eisenstadt is important for understanding the modern sociocultural discourse on the modernization of non-Western societies. Modernization processes in Russia should be interpreted taking into account its socio-cultural and civilizational features.*

The prospects for the study *are related to understanding the influence of socio-cultural values, traditions, archetypal symbols and meanings on the modernization of Russian society.*

Keywords: *sociocultural factors, modernization processes, modernization, Path dependence theory, theory of multiple modernities, civilizational features*

For citation: *Kerimov O. Yu. Socio-cultural aspects of the problem of modernization of Russia // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2024; 17(1): 110–122. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-110-122>.*

Введение. В классических теориях модернизация понималась как широкомасштабный процесс, обусловленный историческими, экономическими, социокультурными, структурно-функциональными особенностями общества, которые придают ему способность

к многосторонним радикальным системным трансформациям. Логика его развития должна приводить к возникновению современного социума, атрибутивными характеристиками которого являются рыночная экономика, демократическое правление, разделение властей (за-

конодательной, исполнительной, судебной), секуляризация, гражданские права человека, научная или академическая свобода.

Понимание модернизации включало не только общие характеристики, но и траектории ее осуществления, в основном заключающиеся в структурных и институциональных изменениях. Эти изменения сводились к применению западных моделей институциональной конфигурации и соответствующих современному обществу экономических, социальных, политических и управленческих преобразований. Идеология этих преобразований была связана с ценностями и идеями, сформировавшимися в эпоху Просвещения. Считалось, что модернизация как комплексный процесс широкомасштабных структурных и институциональных трансформаций автоматически приводит к освобождению человека и приданию ему главенствующей роли и что «модерный тип общества представляет собой наиболее полное воплощение свободы и разума» [1].

Возможность полного замещения многообразия локальных культур и цивилизаций была приписана связанному с ними ценностно-нормативному комплексу, который мог выступить в качестве субститута сформированных ими культурных идентичностей. Культура в целом рассматривалась как второстепенная сфера, которая подвергнется радикальным изменениям под влиянием осуществленных социально-экономических и структурно-институциональных изменений по прошествии определенного периода времени. Однако при этом, как отмечает Р.Г. Браславский, «концептуальные основания, культурно-интерпретативное измерение модерности, по большому счету, игнорировались» [1].

Социокультурные факторы модернизации. Состояние экономики, ее технологическая и структурно-функциональная эффективность не является единственным фактором модернизации. Другие аспекты общественной жизни также влияют на ее осуществление, даже если они являются производными от экономического базиса. Эти аспекты могут стимулировать или замедлять процесс модернизации, создавая оптимальные условия для его развертывания. Я. А. Пляйс подчеркивает, что решение проблемы модернизации «долж-

но быть и фундаментальным, и системным. Иначе говоря, невозможно модернизировать экономику, не модернизировав другие сферы государственной и общественной жизни, в частности политическую» [11, с. 5].

Система социетальных ценностей, культурная среда и ментальность оказывают критическое влияние на эффективность модернизации экономики и политической сферы. По сравнению с социальными институтами эти факторы отличаются даже большей инертностью. Необходимость изучения социокультурных компонентов модернизационных процессов подтверждают многие исследователи, которые сосредотачивают свое внимание именно на социокультурных аспектах модернизации.

Особое направление в изучении модернизации, социокультурный дискурс, было сформировано такими исследователями, как Н.И. Лапин, Н.Е. Тихонова, Л.А. Беляева, И.П. Скворцов и другие. В рамках социокультурного дискурса центральной темой, связанной с модернизацией, является влияние долговременных социокультурных факторов на развитие или торможение процессов модернизации. И.П. Скворцов подчеркивает принципиальное значение социокультурных факторов, поскольку именно они определяют выбор механизмов и технологий реализации социальной и культурной политики, которую осуществляет элита [3; 12].

Вопрос о препятствиях модернизации России и методах для сохранения и повышения ее модернизационного статуса и конкурентоспособности в мире является центральным в социокультурном дискурсе. Н.И. Лапин четко сформулировал этот вопрос: «Что тормозит модернизацию России и что надо сделать, чтобы в условиях жесткой конкуренции сохранить и повысить модернизационный статус России и ее конкурентоспособность в мире?» [6, с. 29]. По мнению Лапина, основная причина замедления и недостаточной завершенности модернизационных процессов в России заключается в незавершенности социетальной трансформации, под которой он понимает преобразование общества в целом, а не только экономических институтов. И поскольку эти процессы начались, но не получили завершения, возникло промежуточное транзитное состояние рос-

сийского общества, которое представляет собой «симбиоз структур раннего капитализма с современной глобализацией: олигархо-бюрократический капитализм с компрадорской доминантой, которая подчиняет создаваемый в России капитал интересам транснационального бизнеса» [6, с. 29].

Процессы модернизации требуют участия социокультурной сферы, так как она влияет на формирование и передачу социальных ценностей и норм, которые определяют поведенческие мотивации как на индивидуальном, так и коллективном уровне. В России переход к рыночной экономике был связан с разрушением коллективистских ценностей и норм, сформировавшихся под воздействием коммунистической идеологии, и внедрением ценностей индивидуализма и достижительности, принятых в западной социокультурной среде. Российское общество оказалось на грани социокультурного раскола, обусловленного конфликтом ценностей.

Россия сталкивается с особыми проблемами в связи с многообразием культур, этнических групп и религий в российском обществе, что приводит к неравномерному социокультурному развитию регионов и сильному влиянию местной культурной и религиозной специфики.

Очевидно, что ситуация с модернизацией в России является сложной и незавершенной. На основе неинституционального подхода, который сфокусирован на выявлении институциональных факторов, приводящих к этому отставанию, можно попытаться ее проанализировать. Одну из версий объяснения незавершенности модернизационных процессов предлагает теория зависимости от прошлого пути, или *path dependence*. Согласно этому методологическому подходу (который предложил П. Дэвид), изменения в социально-экономической сфере происходят под влиянием конкретных событий прошлого, предопределяющих дальнейшее развитие, и создают некую «колею», от которой невозможно отклониться [10].

В рамках теории неинституционализма, экономические, институционально-политические и социокультурные параметры общества взаимосвязаны. Экономическим институтам соответствуют определенные формы политической и властной организации социу-

ма, а также тип культуры. Теория зависимости от прошлого пути представляет различные типы «колеи». Блокировки на пути к масштабным изменениям, включая модернизацию, возникают из-за предыдущих траекторий развития, которые определяют невозможность или трудность изменений [23].

Теория институциональных матриц, разработанная Д. Нормом, С. Кирдиной и другими, приводит к выводу, что социокультурные факторы, присущие незавершенной российской модернизации, стабильно коррелируют с институциональными факторами, основанными на единой матрице.

Незавершенность процесса модернизации также указывает на важность изучения социокультурных факторов, которые ответственны за качество человеческого потенциала общества и возможность формирования креативности и мотивации к социальной (гражданской) и экономической активности. Сложности в реализации модернизационных преобразований возникают из-за многообразия и неравномерности социально-экономического и социокультурного развития регионов России. Низкая человеческая эффективность процессов модернизации регионов, хотя статистически отмечается инерционный рост их социоэкономических индексов, описывается Н.И. Лапиным как «социокультурно несбалансированная квазимодернизация» [6, с. 29]. И подчеркивается, что без социокультурной модернизации процесс останется незавершенным.

Успех в модернизационных преобразованиях современного общества во многом определяется качеством человеческих ресурсов, сформированным влиянием социокультурного пространства. А.А. Шабунова и М.А. Ласточкина указывают на необходимость «улучшения человеческого потенциала и повышения социокультурной компоненты развития общества» [15, с. 81].

В то же время различия в восприятии социокультурных аспектов модернизации вызывают ожесточенные споры и дискуссии, что делает диалог о социально-культурных изменениях особенно конфликтным и насыщенным противоречиями.

Многие исследователи в области социокультурной модернизации в России полагают, что преобразования повлекут за собой

склонение российской действительности в сторону западных образцов. Они отмечали, что такие аспекты, как укрепление гражданского активизма, принятие толерантности, прозрачность и отход от традиционно закрепленных взглядов и клише, будут развиваться в соответствии с западными стандартами. Эти исследователи изначально подходили к теме с либеральных позиций, ожидая, что модернизация российской социально-культурной сферы сблизит ее с западными общечеловеческими ценностями.

Отмечается неоднозначность процессов относительно различных типов норм и ценностей, культурной идентичности россиян и объединяющих их ценностей. Уже невозможно сохранять гомогенность культуры в условиях глобализации, поэтому уместен «вопрос о соотношении в рамках национальной культуры носителей разных типов норм и ценностей», утверждает Н.Е. Тихонова [13, с. 25].

В рамках национальной культуры обращается внимание на взаимосвязь носителей разных типов норм и ценностей. Процесс модернизации, который происходит в различных формах соответствующих особенностям национальных культур и исторического опыта народов, позволяет традиционным обществам достичь состояния модерна. Этот процесс включает в себя экономическую, политическую, социальную, культурную, демографическую и социокультурную модернизацию. Он также подразумевает «формирование новых нормативно-ценностных систем, поведенческих паттернов, рационального типа мышления и внутреннего локус-контроля, что создает основу для формирования и успешного функционирования новых социальных институтов» [13, с. 25]. Н.Е. Тихонова считает, что модернизация должна быть понимаема в ее неомодернизационной трактовке.

На основе обзора работ Н.Е. Тихоновой В.Р. Браславский расценивает их как попытку объединить две парадигмы модернизации: «линейно-модернизационную» и «локально-цивилизационную». Он предлагает разработать «социокультурную» или «многокультурную» теорию модернизации, которая учитывает разнообразие путей и методов модернизации [1]. В этой теории должны быть объединены структурно-институциональные преобразования и усложнение социальной системы таким

способом, что сохраняется культурно-цивилизационная преемственность.

Один из ключевых моментов в предлагаемой концепции социокультурной модернизации — преодоление социокультурных препятствий, таких как коллективистско-патерналистский тип культуры, который поддерживает сращение власти и собственности. Согласно представителям социокультурного дискурса, незавершенность этой модернизации является главным барьером для успешного развития России. Эта незавершенность связана с историческими особенностями культурно-нормативной системы России, которая отражает сращение власти и собственности с доминирующей ролью власти.

Ценностно-нормативный комплекс, сохраняющий и транслирующий ценности традиционного типа, является главной фундаментальной особенностью, которая оценивается исследователями с разных позиций в контексте завершения модернизационных процессов. Одна из этих позиций, которую разделяют Тихонова и ее сторонники, заключается в том, что модернизация — социально-экономическая и социокультурная — необходима и возможна в России, однако она остается незавершенной из-за социокультурных особенностей, которые не являются принципиально непреодолимыми, однако создают барьеры для преобразований. Эти особенности противоречат современным ценностям индивидуализма и достижительности.

Теория «множественных модернов» и цивилизационная специфика российской модернизации. Важно подчеркнуть, что социум и культура обладают не только ценностно-нормативным комплексом, но и другим уникальным своеобразием. Глубинные корни этого своеобразия лежат в цивилизационной специфике, которая, как отмечал Ш. Эйзенштадт, определяется сакральными символическими структурами культурно-цивилизационного ядра.

Важно осознавать, что уникальность общества и культуры не ограничивается лишь системой ценностей и норм. Эйзенштадт указывает на то, что фундаментальные отличия уходят корнями в глубины цивилизационного контекста, который зашифрован в сакральных символах и основах культурно-циви-

зационной матрицы. При этом, по словам Эйзенштадта, прогрессирование цивилизации возможно тогда, когда культура способна к инновациям и развитию, сохраняя при этом свою уникальную идентичность и символическую сущность.

С точки зрения Эйзенштадта, глубинные культурные образцы служат фундаментом для принятия новых форм существования и создания современных общих идеалов. Считается, что истинный источник эволюции общества лежит в русле культуры, а не в сферах технологий или экономики, потому что в конечном итоге действия людей укоренены в ценностях, касающихся смысла жизни и отражающих внутренний мир членов сообщества.

Существует альтернативный подход, представленный О.И. Шкаратаном, утверждающим, что Россия имеет свой уникальный путь социального бытия из-за своих цивилизационных особенностей, которые ее сближают с азиатскими обществами. Его характеризуют циклические изменения, и модернизация на основе западной культуры в принципе невозможна, так как она основана на ценностях и нормах, принадлежащих к западной культуре [18]. Тихонова также указывает на сложность завершения модернизации в России, поскольку нормативно-ценностная модель в России близка к моделям, присущим доиндустриальным традиционным обществам, ставшим на путь трансформации [13].

В социетальной системе этакратических обществ их ценностно-нормативная основа сосредоточена на коллективистском ценностно-нормативном комплексе, который не выделяет как приоритетные права и интересы индивидов. Вместо этого государство, отражающее интересы макрообщности и само государство как инструмент реализации коллективных интересов в социальной действительности, подавляет индивидуальные интересы в нормативно-ценностной системе. Это препятствует формированию ценностных ориентаций, характерных для развитых обществ современного типа, где нормой является ситуация, когда государство гарантирует права и поддерживает интересы индивидов, входящих в это общество.

В российской цивилизационной особенности ключевую роль играет глубоко укоренившееся убеждение о превосходстве

государства, которое рассматривается как макроактор, защищающий права и интересы членов общества. Из этой перспективы проистекает представление о долге каждого гражданина проявлять преданность государству и принимать его вмешательство в личную сферу, даже за счет собственных прав. Представители такого подхода, известного как этакратический, настаивают на том, что эти установки являются результатом отличительных характеристик российской цивилизации.

О.И. Шкаратан и его сторонники убеждены, что Россия движется по уникальному цивилизационному пути, отделяя себя от Европейского цивилизационного пространства, что делает неприменимым прямое копирование западных моделей социокультурного прогресса, которые сформировались в результате теоретического анализа процессов модернизации в западных странах. Шкаратан выдвигает идею о том, что этакратизм представляет собой отдельный исторический путь развития, который следует своим уникальным правилам и закономерностям [16].

Принимая во внимание концепцию этакратизма, исторический процесс можно представить как подъем по огромной спиральной лестнице, на ступенях которой возникают новые государственно-ориентированные общества. В этом контексте Тихонова рассматривает российские социокультурные различия как временные и преходящие, считая, что европейские ценности и образцы модерна являются неотъемлемой частью любого ориентированного на модернизацию пути. В то же время Шкаратан полагает, что незавершенность российской модернизации укоренена в фундаментально отличном от европейского, цивилизационно ином паттерне исторического развития [17].

Государство играет основополагающую роль в регулировании экономических процессов, несмотря на наличие частной собственности и рыночных элементов в социально-экономической структуре. Эта характеристика подчеркивает дуалистичность этакратической общественной системы [17], где прослеживается ее цивилизационная особенность, к тому же глубокие культурные и институциональные различия обостряют разрыв между Россией и Западом, отражая уникальный цивилизационный контур Рос-

сии, который выходит за рамки простого несоответствия образов жизни.

В отношении преобразования незападных обществ теория множественных модернов, предложенная Ш. Эйзенштадтом, убедительно показывает, что модернизация по типу прямой вестернизации не является универсально применимым проектом. Это обусловлено наличием социокультурных и структурно-символических различий между местными культурными традициями. Исходя из плюрализма культурно-цивилизационных форм в их основополагающих началах — базовом архетипическом символизме, Эйзенштадт утверждает, что процессы развития культурно-символических структур, определяющих своеобразие цивилизации, обладают определенной автономией.

Определяющим фактором цивилизационного развития является социокультурная динамика, которая, согласно Эйзенштадту, связана с переходом от традиционной социальной организации к современной. Достижение этого современного состояния обусловлено «принципиально новым уровнем социокультурной динамики и интенсификацией развития» [4], связанным с более эффективным, чем ранее, сочетанием институциональных конфигураций и ценностных структур. Парадигма символического структурализма предполагает, что структура институтов формируется в соответствии с архетипическими паттернами, имеющими духовный и символический характер.

Духовная и преобразующая деятельность общества усиливается благодаря связи с архетипическим пластом культуры, который представляет собой неиссякаемый источник творческих ресурсов. В результате общество формирует жизнеспособные формы и создает свои собственные ценности, в отличие от тех, которые ему пытаются навязать извне.

По мнению Эйзенштадта, каждая цивилизация реализует эндогенный сценарий модернизации, который приведет ее к собственному типу модерна, основанному на ее культурно-символической конфигурации. Эта концепция опровергает западоцентричное представление о том, что только западная культура и западный тип человека обладают внутренними ресурсами для модернизации. Согласно Эйзенштадту, все цивилизации «осевого време-

ни» имеют внутренний потенциал для развития, но его реализация может отличаться своими специфическими формами.

Классические теории модернизации с их универсализмом и западоцентричностью, как мы видим, не согласуются с концепцией Эйзенштадта, отвергающей универсальную модель модернизации, которая не зависит от местной специфики. Вместо этого Эйзенштадт говорит о множестве моделей, где локальные элементы культуры сочетаются с западными элементами модернизации, причем эти элементы интегрируются в социокультурные и институциональные структуры общества не через насильственное внедрение, а через конфронтацию, копирование и частичное воспроизведение достижений западной цивилизации в другом контексте [4]. Цивилизационная и культурная специфика конкретного социума играют определяющую роль в данном случае.

Множество вариантов сочетания локальной специфики и универсальных структурных компонентов модернизации приводит к различным подходам незападных обществ к попыткам модернизации. В условиях «структурной дуальности» между новациями модерна и локальными традициями модернизация в странах третьего мира развивается особым образом. Это говорит о том, что общества современного типа могут обладать общими признаками, но их конкретные реализации могут сильно отличаться.

Возникают парадоксальные протестные формы, которые, по определению А. Турена, могут быть представлены как контрмодернизационные процессы, направленные против вестернизирующей модернизации и западной культуры, и в определенных случаях возникают эффективные и жизнеспособные модели такого сочетания [22]. Эти процессы, хотя и могут быть рассматриваемыми как социальная архаизация, на самом деле являются начальной фазой модернизационного развития, который является прогрессивным для данного общества и его культуры. Ч. К. Ламажаа [5] описывает этот феномен в контексте российского общества.

Онтологические контексты и конфликтная природа модерна, выявленные в сравнительных исследованиях цивилизаций Эйзенштадта, имели глубокое значение для разви-

тия исторической социологии, социологии религии и постколониальных исследований в социокультурном аспекте [4]. В работах Эйзенштадта формируется цивилизационный дискурс, оперирующий понятиями модернизации и модерна. В его работах модерн понимался не только через однозначность и структурно-функциональный подход, характерные для классических теорий модернизации, но и как возможность более поливариантного понимания.

Ранее преобладавший формационный и структурно-функциональный подход был замещен актуализированным цивилизационным подходом, вызвавшим дискуссии. В эпоху глобализации и агрессивного культурного универсализма теория множественных модернов стала идеальной методологической основой для обоснования сохранения уникальности и различий в рамках цивилизации. Представители цивилизационного анализа, такие как Йохан Арнасон, Давид Инглис, Вильфред Шпон, Вольфганг Кнёбль и другие, приняли эту теорию и начали изучать возможные варианты реализации модерна в различных обществах и культурах, включая Россию.

С позиции глобализационного универсализма выдвигаются критические замечания в адрес теории множественных модернов. В этой социокультурной версии модернизации предполагается, что западноевропейская культура и ее траектория социокультурного развития являются источником и единственным образцом модернизационного проекта, который универсален для всех регионов мира. Однако оппоненты Эйзенштадта считают, что модернизация незападных обществ происходит в результате адаптации некоторых элементов модернизационной матрицы к особенностям их цивилизаций [4]. При этом происходит культурно-ценностная легитимация заимствований в контексте традиционной культуры.

Базовые паттерны модерна, которые пришли с Запада, играют главную роль в различных вариациях модерна в незападном мире, утверждают критики Эйзенштадта. Эти паттерны являются универсальными и формируют основу модерна, в то время как различия, на которые указывает Эйзенштадт, на самом деле являются ответами на вызовы и трудно-

сти универсального модернизационного проекта со стороны преобразующихся обществ третьего мира.

Как мы видим, Эйзенштадт не отрицает, что модернизация имеет набор универсальных характеристик, которые необходимы для ее осуществления независимо от цивилизационных различий. Однако он подчеркивает, что особое значение имеют изменения основных параметров социокультурного восприятия экзистенциальных и социальных констант жизни в сообществе. Вместе с появлением новых коллективных представлений происходит выделение индивидуального «я» из коллективной контекстуальности, рост рефлексивности и принятие новых ролей индивидами за пределами традиционных локальных сообществ. Такие изменения играют важную роль в процессе модернизации.

В своих исследованиях Б. Латур обращается к идее сглаживания социального ландшафта, которая заключается в выравнивании различий между глобальным центром и периферией [9]. Он также обсуждает обогащение традиционного культурного контекста символами и тематикой протеста, которые необычны для него. Кроме того, он рассматривает принятие идеи свободы, равенства, солидарности и идентичности, а также направленности истории как прогресса и освоения природы, в отличие от циклических паттернов времени, присущих традиционным культурам [19].

Теория «множественных модернов» возникла в ответ на изменения в обществе, происходящие на стыке индустриальной эпохи, высокого модерна и постмодерна. Индустриальное общество и логика индустриализма характеризуются выбором единого доминирующего направления, исключая альтернативные варианты развития. Индустриализм основывается на двоичной логике и прямолинейном представлении о прогрессе. Теории модернизации, основанные на этой логической матрице, пропагандировали прогресс, урбанизацию, эмансипацию, культурные изменения, универсальные ценности и модели современной культуры, отрицая традиционную культуру. Напротив, теория множественных модернов обосновывает возможность эффективной невестернизирующей модернизации, сохраняющей многообразие культур и их сложными взаимоотношениями.

Метанарратив модерна и культурные стереотипы индустриальной эпохи подверглись деконструкции в философии постмодерна. Наблюдается признание культурно-цивилизационных различий и прав как отдельных групп, так и стран третьего мира на сохранение и развитие своего уникального миропонимания и своей цивилизационной идентичности.

Представления о современном обществе изменились. Оно теперь понимается как реальность, состоящая из множества взаимодействий и связей на разных уровнях. Оно также представляет собой многообразие институциональных и культурных конфигураций, которые имеют свою ценностно-нормативную основу.

Следует подчеркнуть, что теория множественных модернов не отстаивает идею цивилизационного плюрализма и изоляционизма. В.Г. Федотова указывает на то, что одним из ключевых отличий теории Эйзенштадта является введение новой цивилизационной парадигмы в социокультурный дискурс о модерне и модернизации. Она становится неотъемлемой частью теории модернизации [14]. Цивилизационная парадигма в данном контексте не подразумевает изолированность и недоступность других цивилизаций для понимания внешним наблюдателем, как это описывается в интерпретации культур Кл. Гирца [2].

С точки зрения Гирца, культура остается полностью непроницаемой для представителей других культур, которые не могут расшифровать ее основной символизм. В отличие от него Эйзенштадт рассматривает процесс становления модерна как глобальный исторический процесс, который не обладает финитностью. Он также признает культурный контакт, взаимовлияние и обогащение локальных культур. В результате такого взаимодействия возникает множество цивилизационных профилей модерна. Однако для Эйзенштадта переход к модерну не означает окончания исторических изменений: «Люди стали свидетелями перехода одной современной цивилизации во множество — к нескольким современным цивилизациям. Теория модернизации перестала рассматриваться как финальная» [21, р. 34]. Комментируя это, В.Г. Федотова отмечает, что для Эйзенштадта «переход к современности, обществу и об-

ществам модерна не является завершающим актом, вводящим в столетия однотипного развития, а представляет собой процесс расширения сферы современности (modernity) путем подключения к ней все новых и новых обществ, имеющих свои пути развития, однако осуществляемые уже в общих рамках глобальной цивилизации модерна» [14, с. 63].

Центральным для социокультурного дискурса о модернизации является вопрос о ее различном понимании и подходах к реализации. Один из походов акцентирует внимание на глобальной тенденции углубления межкультурного взаимодействия и его влиянии на западноцентричную модернизацию. Этот подход представлен как классическими, так и новыми теориями модернизации. Заимствование ценностно-нормативного комплекса и институциональных конфигураций западного типа модернизации происходит со стороны незападных культур.

Второй подход выделяет неизменность и неподдающиеся простому объяснению тенденции культурного и цивилизационного многообразия, присущие различным регионам в рамках эволюционного процесса. Данный подход делает акцент на уникальности культурных кодов, образов жизни и ценностных систем единичных цивилизаций, являющихся более крупными и сложными, чем отдельные общества. Р.Г. Браславский отмечает, что приверженцы этого направления защищают идею о влиянии уникальных исторических траекторий незападных обществ на их современное состояние. Они также подчеркивают фундаментальные отличия между путями общественного развития западных и азиатских стран [1].

Суть теории множественных модернов, по мнению Браславского, заключается в поиске эффективного пути модернизации незападных обществ, которые не желают слепо копировать западный сценарий. Теория множественных модернов признает возможность такой модернизации и стремится найти более реалистичный подход к пониманию перспектив и границ развития этих обществ. Она предоставляет концептуальные основы для изучения социокультурной модернизации в различных обществах, которые отличаются от западного мира в культурно-цивилизационном плане. Эти общества, сохраняя свои

уникальные культурные особенности, могут следовать собственному пути развития, одновременно генерируя важные ценности и смыслы, которые характерны для модерна.

Выводы. Очевидно, что модернизация российского общества, которую начали правящие элиты в период перестройки, не завершена. Трансформация институциональной структуры в экономике и политике оказалась недостаточной для полноценного развития России. Проблема незавершенности преобразований и поиск ее причин стал основой социокультурного дискурса о модернизации. Большинство исследователей считают, что причина заключается в отсутствии целостности трансформации: хотя формально институты соответствуют требованиям современного общества, в социокультурной сфере продолжают существовать элементы традиционного нормативно-ценностного комплекса, образцов и поведенческих стереотипов.

В России наблюдается неравномерность социокультурного развития регионов, что требует компенсации. В российском социокультурном дискурсе существуют противоречия между различными подходами. Универсалистско-глобалистский подход предполагает, что модернизация должна осуществляться одинаковыми целями и путями во всех обществах, а также повлечь за собой вестернизацию как единственно возможный сценарий модернизации. В то же время цивилизационный подход настаивает на том, что культурно-цивилизационные различия не могут быть устранены и представляют непреодолимое препятствие для модернизации по западному сценарию. Концепция «зависимости от колеи» акцентирует внимание на фундаментальных различиях между российским и западным обществом, поэтому российская модернизация не может осуществляться по чисто западному образцу.

Теория множественных модернов Ш. Эйзенштадта играет важную роль в формировании современного социокультурного дискурса о модернизации незападных обществ. Она показывает, что формы современного общества и переход к ним могут отличаться своим культурно-цивилизационным своеобразием.

Исследование модернизационных процессов в обществах, не являющихся западными,

включая постсоциалистические, может быть осуществлено с использованием теории множественных модернов. В этом контексте социокультурная сфера, ценности и смыслы, связанные с архетипической символикой культур, играют решающую роль в модернизации, оказывая явное или имплицитное влияние на структурные и институциональные компоненты социальной системы.

Список источников

1. Браславский Р.Г. Цивилизационная перспектива в социологическом анализе современных обществ [Электронный ресурс] // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. №15(6). С. 30–49. URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2012_6/Braslavsky_2012_6.pdf.
2. Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
3. Евдокимов А.И. Социокультурная модернизация: теоретико-методологическая концептуализация феномена в региональном срезе // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. №12. С. 55–59.
4. Иванов А.В. «Множественные современности»: диалектика единства и разнообразия в эпоху глобализации [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. Философские науки. 2014. №6(3). С. 654–659. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34220>.
5. Ламажаа Ч.К.-О. Теория модернизации и история Тувы // Новые исследования Тувы. 2009. №1-2. С. 91–110.
6. Лапин Н.И. О стратегии интегрированной модернизации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. №1(31). С. 25–35.
7. Лапин Н.И., Беляева Л.А. От стабилизации к интегрированной модернизации России: аналитический доклад Центра изучения социокультурных изменений [Электронный ресурс] // Интеллектуальная Россия. 2011. 25 апреля. URL: http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/9462-ot-stabilizacii-kintegrirovannoj-modernizacii-rossii-analiticheskijdoklad-centraizucheniya-sociokulturnyxizmenenij.htm.
8. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко;

Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 384 с.

9. Нуреев Р.М. Институциональная среда российского бизнеса — эффект колеи [Электронный ресурс] // Экономика и институты. СПб.: Леонтьевский центр, 2010. С. 25–51. URL: <http://www.rustem-nureev.ru/wp-content/uploads/2011/05/388.pdf>.

10. Пляйс Я.А. Тотальная системная модернизация — абсолютный императив для России // Власть. 2009. №8. С. 3–10.

11. Скворцов И.П. О социокультурных аспектах модернизации современной России // Теория и практика общественного развития. 2011. №4. С. 20–24.

12. Тихонова Н.Е. Динамика социокультурной модернизации в России // Социологическая наука и социальная практика. 2013. №1. С. 24–34.

13. Федотова В.Г. Социокультурные образы модернизации конца XX — начала XXI века: Россия и мир // Знание. Понимание. Умение. 2018. №2. С. 59–73.

14. Шабунова А.А., Ласточкина М.А. Преодоление социального неравенства как импульс к социокультурной модернизации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. №3(33). С. 69–83.

15. Шкаратан О.И. Информационная экономика и пути развития России // Мир России. 2002. Т. 11. №3. С. 44–61.

16. Шкаратан О.И. Социальная система, обращенная в прошлое (часть 2) // Социологический журнал. 2015. Т. 21. №4. С. 80–119. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2015.21.4.3032>.

17. Шкаратан О.И. Этакратизм и российская социетальная система // Общественные науки и современность. 2004. №9. С. 49–62.

18. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.

19. Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // Daedalus. 2000. Vol. 129. №1. Pp. 1–29.

20. Eisenstad S.N. Power, Trust and Meaning. Essays in Sociological Theory and Analysis. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1995. 414 p.

21. Touraine A. Modernity and Cultural Specificities. International Social Science Journal. 1988. №18. Pp. 443–458.

22. Vergne J.-Ph., Durand R. The Missing Link between the Theory and Empirics of Path Dependence: Conceptual Clarification, Testability Issue, and Methodological Implications // Journal of Management Studies. 2010. Vol. 47. №4. Pp. 736–759. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6486.2010.00913.x>.

References

1. Braslavskij R.G. Civilizacionnaja perspektiva v sociologicheskom analize sovremennyh obshhestv [Civilizational perspective in the sociological analysis of modern societies] [Elektronnyj resurs]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology] 2012; 15(6): 30–49. URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2012_6/Braslavsky_2012_6.pdf. (In Russ.).

2. Girc Kl. Interpretacija kul'tur [Interpretation of cultures]. Per. s angl. Moscow: ROSSP-JeN, 2004. 560 p. (In Russ.).

3. Evdokimov A.I. Sociokul'turnaja modernizacija: teoretiko-metodologicheskaja konceptualizacija fenomena v regional'nom srezе [Sociocultural modernization: theoretical and methodological conceptualization of the phenomenon in a regional context]. *Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy]. 2019; (12): 55–59. (In Russ.).

4. Ivanov A.V. «Mnozhestvennye sovremennosti»: dialektika edinstva i raznoobrazija v jepohu globalizacii [«Multiple modernities»: dialectics of unity and diversity in the era of globalization] [Elektronnyj resurs]. *Fundamental'nye issledovanija. Filosofskie nauki* [Fundamental Research. Philosophical sciences]. 2014; 6(3): 654–659. URL: <https://fundamental-research.ru/article/view?id=34220>. (In Russ.).

5. Lamazhaa Ch. K.-O. Teorija modernizacii i istorija Tuvy [Theory of modernization and history of Tuva]. *Novye issledovanija Tuvy* [New studies of Tuva]. 2009; (1-2): 91–110. (In Russ.).

6. Lapin N.I. O strategii integrirovannoj modernizacii [On the strategy of integrated modernization]. *Jekonomicheskie i social'nye pereмены: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. 2014; 1(31): 25–35. (In Russ.).

7. Lapin N.I., Beljaeva L.A. Ot stabilizacii k integrirovannoj modernizacii Rossii: analit-

icheskiy doklad Centra izuchenija sociokul'turnyh izmenenij [From stabilization to integrated modernization of Russia: analytical report of the Center for the Study of Socio-Cultural Changes] [Elektronnyj resurs]. Intellektual'naja Rossija [Intellectual Russia]. 2011. 25 aprelja. URL: http://www.intelros.ru/strategy/gos_rf/9462-ot-stabilizacii-kintegrirovannoj-modernizacii-rossii-analiticheskijdoklad-centraizucheniya-sociokulturnyxizmenenij.htm. (In Russ.).

8. Latur B. Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuju teoriju [The reassembly of the social: an introduction to actor-network theory]. Per. s angl. I. Polonskoj; pod red. S. Gavrilenko; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola je-konomiki». Moscow: Izd. dom VShJe, 2014. 384 p. (In Russ.).

9. Nureev R.M. Institucional'naja sreda rossijskogo biznesa — jeffekt kolei [The institutional environment of Russian business — the track effect] [Elektronnyj resurs]. Jekonomika i instituty [Economics and institutions]. Saint Petersburg: Leont'evskij centr, 2010. Pp. 25–51. URL: <http://www.rustem-nureev.ru/wp-content/uploads/2011/05/388.pdf>. (In Russ.).

10. Pljajs Ja. A. Total'naja sistemnaja modernizacija — absoljutnyj imperativ dlja Rossii [Total systemic modernization — an absolute imperative for Russia]. *Vlast'* [Power]. 2009; (8): 3–10. (In Russ.).

11. Skvorcov I.P. O sociokul'turnyh aspektah modernizacii sovremennoj Rossii [On the socio-cultural aspects of modernizing modern Russia]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* [Theory and practice of social development]. 2011; (4): 20–24. (In Russ.).

12. Tihonova N.E. Dinamika sociokul'turnoj modernizacii v Rossii [Dynamics of socio-cultural modernization in Russia]. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika* [Sociological science and social practice]. 2013; (1): 24–34. (In Russ.).

13. Fedotova V.G. Sociokul'turnye obrazy modernizacii konca XX — nachala XXI veka: Rossija i mir [Sociocultural images of modernization of the late twentieth — early XXI century: Russia and the world]. *Znanie. Ponimanie*.

Umenie [Knowledge. Understanding. Ability]. 2018; (2): 59–73. (In Russ.).

14. Shabunova A.A., Lastochkina M.A. Preodolenie social'nogo neravenstva kak impul's k sociokul'turnoj modernizacii [Overcoming social inequality as an impulse to socio-cultural modernization]. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. 2014; 3(33): 69–83. (In Russ.).

15. Shkaratan O.I. Informacionnaja je-konomika i puti razvitija Rossii [Information economy and ways of development of Russia]. *Mir Rossii* [The world of Russia]. 2002; 11(3): 44–61. (In Russ.).

16. Shkaratan O.I. Social'naja sistema, obrashennaja v proshloe (chast' 2) [Social system facing the past (part 2)]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. 2015; 21(4): 80–119. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2015.21.4.3032>. (In Russ.).

17. Shkaratan O.I. Jetakratizm i rossijskaja societal'naja sistema [Etakratism and the Russian societal system]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. 2004; (9): 49–62. (In Russ.).

18. Jezenshtadt Sh. Revoljucija i preobrazovanie obshhestv. Sravnitel'noe izuchenie civilizacij [Revolution and transformation of societies. Comparative study of civilizations]. Moscow: Aspekt Press, 1999. 416 p. (In Russ.).

19. Eisenstadt S.N. Multiple Modernities. *Daedalus*. 2000; 129(1): 1–29.

20. Eisenstad S.N. Power, Trust and Meaning. Essays in Sociological Theory and Analysis. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1995. 414 p.

21. Touraine A. Modernity and Cultural Specificities // *International Social Science Journal*. 1988; (18): 443–458.

22. Vergne J.-Ph., Durand R. The Missing Link between the Theory and Empirics of Path Dependence: Conceptual Clarification, Testability Issue, and Methodological Implications. *Journal of Management Studies*. 2010; 47(4): 736–759. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6486.2010.00913.x>.

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 04.04.2024.

The article was submitted on 28.02.2024; approved after reviewing on 18.03.2024; accepted for publication on 04.04.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Керимов Олег Юрьевич — ассистент кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова. Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Oleg Yu. Kerimov — an assistant at the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). 132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia